

К 100-летию
со дня рождения В. И. Ленина

А. С. МЕЛЬНИЧУК

ПОНЯТИЯ СИСТЕМЫ И СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА *

Одной из наиболее заметных особенностей развития многих отраслей мировой науки на протяжении последних десятилетий было значительное усиление внимания к системно-структурному аспекту исследуемых объектов. Проблемы соотношения целого, части и структуры, взаимодействия элементов и системы выдвинулись на передний план в ряде естественных и общественных наук. Методологические вопросы, связанные с философским освещением категорий целого и части, системы, связи и элементов, структуры и отношения, приобрели большую актуальность как в философии диалектического материализма, так и в части немарксистских философских направлений. Коренные расхождения в конкретном понимании структуры и роли определяющих ее отношений в общей природе объекта вызвали оживленные дискуссии среди представителей различных областей знания во многих странах мира.

Системно-структурный подход к изучению явлений природы, общества и сознания, предполагающий наличие закономерных устойчивых связей между всеми частями изучаемого явления, в той или иной степени определяющих саму природу явления, возник как неизбежный результат предшествующего развития научных исследований. Значительный вклад в разработку научного понятия структуры в XIX в. внесли в области химии А. М. Бутлеров и Д. И. Менделеев, в области социологии — К. Маркс и Ф. Энгельс, а также Г. Спенсер, Э. Дюркгейм¹. Большую роль в дальнейшей научной разработке понятия структуры сыграли исследования Н. Бора, Э. Резерфорда и др., посвященные строению атома и элементарных частиц, работы И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра, касающиеся структуры языка, и т. д.

С философской точки зрения системно-структурный подход к изучаемым явлениям представляет собой лишь частный случай общего принципа марксистского диалектического метода, требующего от исследователя учета всеобщей связи явлений действительности, а следовательно, и закономер-

* Статья печатается в сокращении. Полный текст статьи будет опубликован в юбилейном сборнике «Ленин и языкознание», который подготовлен к печати Институтом языкознания АН СССР. — *Ред.*

¹ О роли К. Маркса в разработке понятия структуры в социологической науке говорил, в частности, Р. Бастид в своем вступительном слове при открытии международного colloquium, посвященного употреблению термина «структура» в гуманитарных науках, в 1959 г. (R. Bastide, Introduction à l'étude du mot «structure», сб. «Sens et usages du terme *structure* dans les sciences humaines et sociales», s'Gravenhage, 1962, стр. 15). См. также: М. М. Г у х м а н, Исторические и методологические основы структурализма, сб. «Основные направления структурализма», М., 1964, стр. 30; Ю. П. С е н о к о с о в, Дискуссия о структурализме во Франции, ВФ, 1968, 6, стр. 172, и др.

ных связей между частями отдельно рассматриваемого явления. Поло-
жение о всеобщей объективной связи и взаимозависимости предметов и
явлений неоднократно подчеркивалось классиками марксизма-ленинизма
в качестве одного из основных положений материалистической диалек-
тики. «Уразумение того, что вся совокупность процессов природы находит-
ся в систематической связи, — писал Ф. Энгельс в книге „Анти-Дюринг“, —
побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в част-
ностях, так и в целом»². К этому положению Ф. Энгельс неоднократно
возвращался в работах, вошедших в сборник «Диалектика природы».
«Теперь вся природа, — отмечает Ф. Энгельс, — простирается перед на-
ми как некоторая система связей и процессов, объясненная и понятая
по крайней мере в основных чертах»³. Эта же мысль более обстоятельно
формулируется Ф. Энгельсом в другом месте: «Вся доступная нам природа
образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы пони-
маем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от
звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается ре-
альность последнего. В том обстоятельстве, что эти тела находятся во
взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и
это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение»⁴.
Отсюда вытекает и определенная Ф. Энгельсом основная задача общей ха-
рактеристики материалистической диалектики: «Развить общий характер
диалектики как науки о связях в противоположность метафизике»⁵.

Требование учета всеобщей связи явлений и, в частности, связи всех
элементов отдельно взятой области явлений В. И. Ленин выдвигал на
передний план среди основных принципов материалистической диа-
лектики.

«В старой логике, — писал В. И. Ленин, конспектируя „Науку логи-
ки“ Гегеля, — перехода нет, развития (понятий и мышления) нет *„внутренней, необходимой связи“* (43) [35] всех частей и „Über-
gang'a“ одних в другие.

И Гегель ставит два основных требования:

1) „Необходимость связи“

и

2) „имманентное происхождение различий“⁶.

Придавая этим формулировкам Гегеля материалистическое содержа-
ние, В. И. Ленин продолжает:

«Очень важно!! Это вот что значит, по-моему:

1) *Необходимая* связь, объективная связь всех сторон, сил,
тенденций etc. данной области явлений;

2) „имманентное происхождение различий“ — внутренняя объектив-
ная логика эволюции и борьбы различий, полярности»⁷.

В своем перечислении элементов диалектики, состоящем из 16 пунктов,
В. И. Ленин говорит о всеобщности категории отношения под двумя раз-
ными пунктами — 2 и 8-м: «2) вся совокупность многообразных *отноше-
ний* этой вещи к другим» и «8) отношения каждой вещи (явления
etc.) не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь
(явление, процесс etc.) связаны с *каждой*»⁸.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 20, стр. 35—36.

³ Там же, стр. 513.

⁴ Там же, стр. 392.

⁵ Там же, стр. 384.

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 88—89.

⁷ Там же, стр. 89.

⁸ Там же, стр. 202, 203.

Наряду с утверждением о всеобщей связи вещей и явлений действительности и с диалектико-материалистической разработкой категории отношения в трудах классиков марксизма-ленинизма определен материалистический подход к категориям вещи, качества и свойства, обеспечивающий и более четкое понимание неразрывно связанной с ними категории отношения. Ф. Энгельс подчеркивал, что «существуют не качества, а только вещи, обладающие качествами, и притом бесконечно многими качествами»⁹. С другой стороны, В. И. Ленин выделил то место из «Науки логики» Гегеля, в котором говорится: «Многие различные вещи состоят в существенном взаимодействии через свои свойства; свойство есть самое это взаимоотношение, и вещь вне его есть ничто»¹⁰.

Увеличение интереса в современной науке к понятиям системы и структуры, включающим в себя понятия связи, отношения, соотносящегося элемента (вещи), привело к дальнейшей разработке этих категорий в диалектико-материалистической философии. Основываясь на близости категории структуры к философской категории формы, получившей в трудах классиков марксизма-ленинизма общее диалектико-материалистическое освещение, особенно с точки зрения ее отношения к содержанию, а также учитывая марксистско-ленинское понимание категорий вещи, качества, свойства и отношения, части и целого, советские и зарубежные философы-марксисты в ряде своих работ определили с позиций марксизма-ленинизма место категорий системы и структуры среди других философских категорий и осветили роль структуры по отношению к сущности и развитию обладающего структурой объекта¹¹. В этих работах освещена важная роль структурной организации объекта, наряду с качеством образующих объект элементов, в определении природы объекта, в том числе решающая роль различий организации при тождественном составе элементов, раскрыта относительная устойчивость структуры как системы отношений между элементами объекта по сравнению с изменениями в составе и качестве элементов, показан производный характер определенной организации отношений от количества и качества соотносящихся элементов и отмечено обратное воздействие отношений в структуре на характер охватываемых структурными отношениями элементов как частей целого.

Было бы, однако, слишком упрощенно объяснять все то оживление, которое наблюдалось в теоретической литературе последних десятилетий вокруг понятий структуры и системы, одними лишь успехами в применении этих понятий к объектам исследования различных частных наук. Едва ли не в большей степени это оживление объясняется тем, что отдельные различия в теоретическом и методологическом осмыслении понятия структуры приобрели крайне общий характер, выдвинувшись на переднюю линию борьбы между диалектическим материализмом и некоторыми не-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 20, стр. 547.

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 135.

¹¹ См.: А. Г. Спиркин, Курс марксистской философии, М., 1964, стр. 195—201; И. И. Новинский, Понятие связи в марксистской философии, М., 1961; В. И. Свидерский, О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании, М., 1962; А. И. Уемов, Вещи, свойства и отношения, М., 1963; Т. А. Югай, Диалектика части и целого, Алма-Ата, 1965; В. Г. Афанасьев, Проблема целостности в философии и биологии, М., 1964; Г. П. Короткова, Принципы целостности, Л., 1968; Л. О. Вальт, Соотношение структуры и элементов, ВФ, 1963, 5; Ф. З. Меерсон, Диалектическое единство функции и структуры, ВФ, 1964, 11; Н. Ф. Овчинников, Категория структуры в науках о природе, сб. «Структура и формы материи», М., 1967; В. В. Агудов, Количество, качество, структура, ВФ, 1967, 1; С. Е. Зака, Качественные изменения и структура, там же; С. Петров, Субстрат, структура, свойства, ВФ, 1968, 10; С. Б. Крымский, О понятиях «система» и «структура», сб. «Целостность и биология», Киев, 1968; Н. Laitko, Struktur und Dialektik, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1968, 6, и др.

марксистскими направлениями современной философии. Следует добавить, что такое превращение частнонаучной проблемы структуры в объект общеметодологического спора, связанного с решением основного вопроса философии, произошло в значительной степени на почве языкознания. Это ставит перед марксистским языкознанием ответственную задачу внимательного анализа проблемы структуры языка с точки зрения диалектического материализма с тем, чтобы результаты этого анализа могли быть использованы и в борьбе с немарксистским пониманием структуры в общефилософском плане и в применении к другим частным наукам. В настоящей статье вкратце рассматриваются лишь некоторые основные моменты, связанные с коренными методологическими расхождениями в понимании структуры вообще и структуры языка в частности. Но сначала необходимо остановиться на некоторых более элементарных вопросах технического характера, касающихся лексического содержания терминов «система» и «структура».

Хотя начало современному широкому употреблению терминов «система» и «структура» в языкознании было положено еще в 1929 г. «Тезисами Пражского лингвистического кружка», предложенными на I Международном конгрессе славистов и явившимися первой систематизированной формулировкой принципов структурного подхода к изучению языка¹², единства в понимании этих терминов и их взаимоотношения не достигнуто до сих пор ни в языкознании, ни в философии. Различные способы употребления терминов «система» и «структура», как в языкознании, так и в философии, по наиболее общему признаку могут быть сведены к двум основным, противоположным друг другу направлениям в их понимании. Одна часть исследователей фактически не усматривает в данном случае двух различных понятий и либо употребляет оба термина как абсолютные синонимы, заявляя об этом прямо¹³ или обнаруживая это в определениях обоих терминов, даваемых в разных местах¹⁴, либо же употребляет только один из обоих терминов, но с таким значением, которое оказывается более обычным для другого термина¹⁵. Иногда признается допустимым употребление одного и того же термина (в частности, «система») в двух разных значениях, соответствующих тем, которые у других авторов чаще

¹² «Thèses présentées au Premier Congrès des philologues slaves», TCLP, I, 1929 (перепеч. в кн.: «A Prague School reader in linguistics», compiled by Josef Vachek, Bloomington, 1964; русск. перевод в кн.: В. А. Звегинцев, История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, М., 1960).

¹³ См. например: E. B u y s s e n s, сб. «Zeichen und System der Sprache», I, Berlin, 1961, стр. 270; С. К. Шаумян, О сущности структурной лингвистики, ВЯ, 1956, 5, стр. 38.

¹⁴ Ср.: L. H j e l m s l e v, La notion de rection, AL, I, 1, Copenhagen, стр. 10; его же, Метод структурного анализа в лингвистике, там же, VI, 2-3, 1950-1951, стр. 57.

¹⁵ Так, например, ряд языковедов употребляет термин «система» с тем значением (сеть отношений, взаимозависимость элементов и т. п.), которое исследователи, различающие два термина, связывают обычно с термином «структура»; см. W. A p p e l, сб. «Zeichen und System der Sprache», I, стр. 28; V. S k a l i č k a, там же, стр. 140; T. M i l e w s k i, там же, II, Berlin, 1962, стр. 164; ср. также: К. Т о д о б у, там же, I, стр. 142; В. Т р н к а, там же, стр. 144. Несколько реже встречается употребление одного только термина «структура», но со значением (сочетание взаимообусловленных элементов), близким к тому, которое, наоборот, более обычно для термина «система»; ср.: Б. Р а с с е л, Человеческое познание. Его сфера и границы, М., 1957, стр. 284; подобным образом определяется термин «structure» и во французском философском словаре «Vocabulaire technique et critique de la philosophie», III, Paris, 1932 (под ред. А. Жюльена; имеются и более поздние издания); частично к этому определению приближается определение структуры, данное в кн.: Ю. С. Степанов, Основы языкознания, М., 1966, стр. 8. На употребление термина «структура» в смысле «система» обращено внимание уже в кн.: А. С. Чикобава, Проблема языка как предмета языкознания, М., 1959, стр. 154.

всего передаются терминами «система» и «структура»¹⁶. Другая часть исследователей, составляющая большинство, употребляет термины «система» и «структура» для обозначения двух различных понятий, однако содержание этих понятий определяется по-разному. Наиболее распространенным при различении этих терминов является понимание системы как внутренней организованной совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, а структуры — как схемы взаимоотношений между элементами системы, их внутренней организации¹⁷. Сюда же принадлежат и более общие определения структуры как свойства системы, понимаемой в узком смысле¹⁸. Иногда понятие структуры рассматривается как высшее по отношению к понятию системы¹⁹. В ряде работ употребляется лишь какой-нибудь один из терминов «система» или «структура» без противопоставления его другому термину, но с таким именно значением, какое придается соответствующему термину при вышеуказанном различении. Так, многие исследователи пользуются одним только термином «система», обозначая им комплекс взаимодействующих элементов, целое, состоящее из взаимосвязанных частей²⁰. С другой стороны, некоторые философы и языковеды употребляют термин «структура» безотносительно к термину «система» для обозначения характера или схемы связей между элементами целого²¹. Однако в отдельных случаях встречается и такое различение терминов «система» и «структура», которое составляет прямую противоположность вышеприведенному, в частности понимание языковой системы как замкнутой совокупности противопоставлений, а языковой структуры — как всего языкового образования, расчлененного на более простые эле-

¹⁶ См. коллективное определение термина «система» в сб. «Zeichen und System der Sprache», II, стр. 90; см. также: К. Н о г á л е к, там же, I, стр. 76; II, стр. 86.

¹⁷ См.: В. Т. А ф а н а с ь е в, О принципах классификации целостных систем, ВФ, 1963, 5, стр. 31, 32; В. С. Т ю х т и н, Системно-структурный подход и специфика философского знания, ВФ, 1968, 11, стр. 48—50; G. K r ö b e r, Die Kategorie «Struktur» und der kategorische Strukturalismus, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1968, 11, стр. 1314; Г. П. М е л ь н и к о в, Системная лингвистика и ее отношение к структурной, сб. «Проблемы языкознания», М., 1967, стр. 98; E. B e n v e n i s t e, сб. «Zeichen und System der Sprache», II, стр. 95; е р о ж е, Structure en linguistique, сб. «Sens et usages du terme structure dans les sciences humaines et sociales», s'Gravenhage, 1962; M. B i e r w i s c h, сб. «Zeichen und System der Sprache», I, стр. 43—44; L. Z a w a d o w s k i, Lingwistyczna teoria języka, Warszawa, 1966, стр. 41; несколько иначе: О. С. А х м а н о в а, Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр. 412, 458; А. Г. С п и р к и н, указ. соч., стр. 196, 198; А. Н e i n z, Zur Struktur des Sprachsystems, сб. «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 120—121.

¹⁸ См.: Б. В. Г о р н у н г, О характере языковой структуры, ВЯ, 1959, 1, стр. 39; «Тезисы Пражского лингвистического кружка», в кн.: В. А. З в е г и н ц е в, История языкознания XIX и XX веков, ч. II, стр. 441; Н. L ü d t k e, сб. «Zeichen und System der Sprache», I, стр. 100, 263; R. R u ž i č k a, там же, II, стр. 6; J. F o u r q u e t, там же, стр. 80. Ср.: W. N e u m a n n, Über die Dialektik sprachlicher Strukturen, «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», Berlin, 1969, 2, стр. 168, 173; G. K r ö b e r, указ. соч., стр. 1314—1316.

¹⁹ R. K a l i v o d a, O struktuře a strukturalizmu, «Filosofický časopis», 1, Praha, 1969, стр. 114.

²⁰ См.: A. G a u r, Studii de lingvistică generală (București), 1960, стр. 19; G. F. M e i e r, сб. «Zeichen und System der Sprache», I, стр. 106; W. S c h m i d t, там же, стр. 138; P. T r o s t, там же, стр. 149; E. S e i d e l, там же, стр. 198—199; J. H e r m a n n, там же, II, стр. 111. Аналогичное употребление термина «система» наблюдается и в работах зарубежных философов, в частности, разрабатывающих так называемую «общую теорию систем», — Л. Б е р т а л а н ф и, А. Д. Х о л л а, Р. Э. Фейджина. См.: L. B e r t a l a n f f y, Problems of life, New York, 1960, стр. 199; С. Б. Р ы м с к и й, указ. соч., стр. 51.

²¹ В. И. С в и д е р с к и й, указ. соч., стр. 10—11; Л. О. В а л ь т, указ. соч., стр. 45; A. E d d i n g t o n, New pathway in science, New York, 1935 (см.: М. М. Г у х м а н, указ. соч., стр. 29).

менты²². Наряду с этим предлагаются и другие способы различения терминов «система» и «структура» — с пониманием системы как единства однородных взаимообусловленных элементов, а структуры — как единства разнородных элементов²³ или же как раз наоборот²⁴, с отнесением систем к уровню парадигматики, а структур — к уровню синтагматики²⁵, с определением структуры как состояния, а системы как движения в особом смысле²⁶, и т. д. В некоторых философских работах структура рассматривается как определенный вид системы, как ее инвариантный аспект²⁷ или же как система, выступающая со стороны наложенных на нее ограничений²⁸.

При таком многообразии имеющихся определений терминов «структура» и «система» никакое рассмотрение сущности соответствующих понятий не может быть даже начато без предварительного выбора наиболее обоснованного и целесообразного понимания значений данных терминов и их соотношения. Поскольку на данном этапе речь идет пока лишь о лексических значениях обоих терминов, а не всестороннем исследовании понятий, представляется наиболее удобным начать рассмотрение этого вопроса с самого общего опеределения значений, чаще всего соединяемых с каждым термином, и с выяснения самого общего различия между их употреблением.

Отсутствие у многих исследователей какого-либо различия между терминами «система» и «структура» или же обозначение ими в большей или меньшей степени совпадающих понятий может свидетельствовать о том, что даже и при различии значения обоих терминов они соотносятся с объективно тождественными сущностями. Однако принципиальная возможность создания ряда различных понятий об одном и том же отдельном объекте, отражающих различные ступени абстракции от объекта и различные направления конкретного познавательного процесса, а также фактическое наличие целого ряда различаемых понятий, подводимых в настоящее время под термины «система» и «структура», с одной стороны, и общий для каждой науки дефицит хороших терминов, с другой, — все это обязывает к экономному обращению с терминами «система» и «структура», в частности к тому, чтобы независимо от объективного тождества или различия соотносительных с ними явлений признать нецелесообразным безразличное употребление их в одном и том же значении.

Поскольку речь идет об установлении основных лексических значений терминов «система» и «структура», учет одних лишь способов употребления их в современной специальной литературе был бы явно недостаточен.

²² Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański, *Słownik terminologii językoznawczej*, Warszawa, 1968, стр. 537, 599.

²³ А. А. Реформатский, Введение в языковедение, М., 1967, стр. 25, 31, 249; его же, Что такое структурализм, ВЯ, 1957, 1, стр. 28—29.

²⁴ Б. А. Успенский, Структурная типология языков, М., 1965, стр. 32; А. И. Еводенко, Проблемы структуры языка, Кишинев, 1967, стр. 187.

²⁵ J. B. Firth, A synopsis of linguistic theory, сб. J. B. Firth, *Studies in linguistic analysis*, Oxford, 1957, стр. 5; M. A. K. Halliday, сб. «Zeichen und System der Sprache», I, стр. 67, 271; B. Agricola, там же, стр. 2—3; F. Hintze, там же, II, стр. 29; I. Coteanu, там же, стр. 58.

²⁶ И. Б. Новик, О моделировании сложных систем, М., 1965, стр. 90.

²⁷ Н. Ф. Овчинников, указ. соч., стр. 14.

²⁸ С. Б. Крымский, указ. соч., стр. 55, 58. Здесь не учитываются различные определения терминов «система» и «структура», применяемых в некоторых разделах математики, в том числе и при математической интерпретации так называемой общей теории систем (см., например: М. Месарович, Основания общей теории систем, сб. «Общая теория систем», М., 1966, стр. 21—25, 28). О наличии внутренней взаимосвязи между математическими и эмпирическими понятиями системы и структуры, при их существенном различии, см. в статье: О. Лешка, Р. Новák, К вопросу о «структурном анализе» языка, SaS, XXVI, 1965, 2, стр. 110.

Оба выражения уже с античных времен употребляются в европейской письменности, и за две тысячи лет за ними закрепились более или менее четко различаемые наиболее общие значения, с которыми нельзя не считаться при использовании этих слов в качестве специальных терминов, значение которых еще только предстоит ограничить. Поэтому общее значение слов *система* и *структура* и общий характер соотношения между их семантикой необходимо выяснить прежде всего на конкретных примерах общепринятого употребления этих слов в современном литературном языке.

В тех случаях, когда слова *система* или *структура* употребляются в связи с названиями особенно сложных явлений, как, например, в выражениях *система министерства* — *структура министерства*, *система языка* — *структура языка*, различие в значениях этих двух слов, действительно, уловить трудно, на первый взгляд даже невозможно. Эти примеры подтверждают высказанное выше предположение о том, что слова *система* и *структура* соотносятся с объективно тождественными явлениями. Подобные же примеры, не дающие возможности разграничить понятия, выражаемые словами *система* и *структура*, послужили поводом и для необоснованного смешения этих слов в роли терминов, выражающих якобы тождественные понятия. Между тем, таких примеров можно найти сравнительно немного. В подавляющем большинстве случаев слова *система* и *структура* выступают в сочетаниях, четко обнаруживающих различия в их семантике. Так, во многих подобных сочетаниях эти слова вообще не поддаются взаимозамене; ср., с одной стороны, сочетания *система рычагов*, *система шестерен*, *система приемов*, *система мер*, *энергетическая система* (при невозможности употребления в близких значениях сочетаний *структура рычагов*, *структура мер* и т.д.), с другой стороны, — *структура почвы*, *структура предложения*, *структура книги* (при невозможности *система почвы* и т.д.). Примеры отчетливо показывают, что слова *система* и *структура* оба употребляются для выражения характеристики сложного объекта, однако характеризуют сложный объект с двух разных точек зрения: слово *система* говорит о свойстве сложного объекта как о проявлении взаимосвязи его составных частей, т. е. выражает подход к сложному объекту со стороны его частей, между тем как слово *структура* говорит о свойстве сложного объекта как о проявлении расчлененности единого объекта на взаимосвязанные части, т. е. выражает подход к сложному объекту со стороны его целостности. Иначе говоря, слово *система* указывает на способ объединения элементов, образующих более сложное целое, а слово *структура* — на способ расчленения целого на его элементы. Это же общее различие значений слов *система* и *структура* четко обнаруживается и при их употреблении в большинстве таких сочетаний, в которых каждое из этих слов может быть употреблено со своим особым значением (при возможном изменении грамматической формы числа сочетающегося с ними слова). Сравним, например, значения сочетаний *система механизмов* и *структура механизмов* или *система элементов* и *структура элементов*. Каждый носитель литературного языка, привыкший к обычному употреблению слов *система* и *структура*, свободно улавливает различие между значениями первых и вторых членов каждой из этих двух пар словосочетаний: в сочетаниях со словом *система* речь идет о совокупности механизмов или элементов как частей более сложного единства, между тем как сочетания со словом *структура* соотносятся с каждым механизмом или каждым элементом в отдельности, рассматриваемыми с точки зрения их внутренней организации. Поэтому в сочетаниях со словом *структура* форма множественного числа слов *механизмов* или *элементов* легко может быть заменена формой единственного числа,

причем изменится только значение числа, без изменения характера лексико-семантической связи между обоими словами, между тем как в сочетаниях со словом *система* такая замена, если она вообще оказывается возможной, ведет к более существенному изменению общего смысла словосочетания, основывающемуся на изменении направленности лексико-семантической связи слова *система* (ср. *система механизмов* «совокупность механизмов» и *система механизма*, что может быть понято лишь в смысле «система частей механизма», не говоря уже о более специальном, скорее разговорном смысле «марка, конструкции» и т. п.).

Из всего сказанного вытекает, что слово *система* в его общепринятом употреблении служит для выражения синтетического понятия о свойстве единого сложного объекта как о проявлении объединения в его составе более простых частей, между тем как слово *структура* выражает аналитическое понятие о свойстве единого сложного объекта как о проявлении его расчлененности на взаимосвязанные части. Таким образом, понятия *системы* и *структуры* в их общеязыковом неспециальном употреблении являются двумя разными, но тесно взаимосвязанными соотносительными понятиями, способными функционировать и в качестве двух разных осмыслений одного и того же реального объекта. С этой точки зрения сочетания *структура министерства* или *структура языка* следует понимать как выражения расчлененности министерства или языка на более простые взаимосвязанные составные части, т. е. как обозначения внутренней организации соответствующих сложных объектов, сочетания же *система министерства* или *система языка*, воспринимаемые иногда в качестве абсолютных синонимов по отношению к предыдущим, должны быть осмыслены как указания на множественность частей, составляющих эти сложные объекты, т. е. как такие выражения, которые могут быть заменены более полными выражениями *система учреждений министерства*, *система компонентов (уровней и т. п.) языка*. Все это означает, что при употреблении слова *система* осмысление сложного объекта идет в направлении от составных частей к целостности, а при употреблении слова *структура* осмысление идет в направлении от целостности объекта к его частям и к характеру их взаимосвязей.

Сопоставление этого общеязыкового употребления слов *система* и *структура* со всеми перечисленными выше способами определения терминов «система» и «структура» в современном языкознании и в философии позволяет сделать вывод о возможности полностью согласовать эти различные понимания рассматриваемых терминов. Неразличение значений терминов «система» и «структура» (в том числе употребление в соответствующем значении лишь какого-нибудь одного из этих двух терминов), обусловленное, как уже упоминалось, объективным тождеством явлений, отражаемых в понятиях системы и структуры, свободно может быть замечено общепринятым употреблением этих двух слов как выразителей двух различных понятий об одном и том же объекте с соответствующим определением обоих понятий. Распространенное понимание системы как совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, составляющих единое целое, а структуры — как внутренней организации целого, характера взаимоотношений между его элементами, почти полностью совпадает с общепринятым нетерминологическим пониманием слов *система* и *структура*, если только признать, что отношения между элементами целого как компоненты структуры не имеют самостоятельного существования в отрыве от соотносящихся элементов. К этому же общепринятому пониманию слов *система* и *структура* может быть сведено и определение системы как единства однородных взаимообусловленных элементов, а структуры — как единства разнородных элементов, поскольку

ку элементы могут быть объединены в систему лишь при наличии у них каких-либо однородных признаков, хотя бы общего признака участия в обеспечении функций или свойства целого, что, однако, не исключает, а, наоборот, предполагает и наличие у них различающихся признаков, дополняющих друг друга в создании более сложного целого, между тем как для структуры целого, в свою очередь, важны все признаки ее элементов, т. е. главным образом различающиеся, составляющие большинство, но это вовсе не исключает и важности однородных признаков элементов структуры. Другие определения терминов «система» и «структура» могут быть охарактеризованы как более или менее существенные видоизменения этого общего их понимания, в конечном счете сводимые к нему, и только некоторые из перечисленных определений, не имеющие сколько-нибудь значительного распространения, представляются необоснованными отклонениями от установившегося понимания. Исходя из этого, следует признать наиболее целесообразным и соответствующим установившемуся в языке словоупотреблению такое различие терминов «система» и «структура», при котором под системой понимается совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, образующих более сложное единство, рассматриваемое со стороны элементов — его частей, а под структурой — состав и внутренняя организация единого целого, рассматриваемого со стороны его целостности. Поскольку определяемые таким образом понятия системы и структуры могут представлять собой различные осмысления одного и того же реального объекта, одна и та же сторона реального объекта может рассматриваться и как элемент структуры, и как компонент системы. Так, например, согласный *ш* представляет собой и элемент структуры консонантизма русского языка и компонент системы согласных, подлежащее представляет собой и элемент синтаксической структуры предложения и компонент системы членов предложения.

Определение понятий системы и структуры непосредственно связано и с решением вопроса о том, следует ли понимать под структурой только сеть чистых отношений в отвлечении от соотносящихся элементов или же и сами соотносящиеся элементы как субъекты и носители отношений в структуре. Без учета рассмотренной выше строгой соотносительности понятий системы и структуры как установившихся значений соответствующих слов настаивать на необходимости какого-либо одного из указанных двух пониманий термина «структура» было бы необязательно, — достаточно было бы последовательного признания того, что в действительности отношения без соотносящихся элементов не существуют и что, в таком случае, понятия структуры как сети чистых отношений является научной абстракцией, необходимой для определенных целей²⁹. Однако признание последовательной соотносительности понятий системы и структуры исключает возможность понимания структуры как сети отношений, отвлеченных от соотносящихся элементов, наряду с пониманием системы как совокупности взаимосвязанных элементов, т. е. элементов, рассматриваемых вместе с их отношениями в рамках целого. Если признать, что понятия системы и структуры являются отражениями одного и того же свойства объекта, только рассматриваемого с двух противоположных точек зрения — со стороны составных частей объекта и со стороны его целостности, то соотносящиеся элементы вместе с их отношениями необходимо учитывать

²⁹ Именно такое понимание структуры встречается в работах некоторых советских философов, признающих наряду с этим возможность и другого понимания структуры, учитывающего вместе с отношениями также и относящиеся элементы; ср.: В. И. С в и д е р с к и й, указ. соч., стр. 10—11, 18 и др. О двойном понимании структуры см. еще, например: С. П е т р о в, указ. соч., стр. 87; В. В. А г у д о в, указ. соч., стр. 67.

не только в системе, но и в структуре. Необходимость учета соотносящихся элементов при определении структуры подчеркивают многие авторы, в том числе и некоторые немарксисты. Н. Ф. Овчинников считает, что суженное понимание структуры как сети отношений, «в сущности, совпадает с понятием отношения или связи. А между тем, — пишет он, — существует потребность в более общем понятии, которое не совпадало бы с понятием связи. Исследуя структуру объекта, можно говорить соответственно о трех главных аспектах категории структуры — аспекте элементов, аспекте связей и аспекте целостности»³⁰. «При всем различии аспектов в понимании категории структуры, — пишет советский философ С. Е. Зак, — в них имеется общее: целое рассматривается как система, состоящая из частей, определенным образом расположенных и взаимосвязанных между собой... Структура — это категория, характеризующая распределение и взаимодействие в пространстве и времени элементов предметов и явлений, программу их развития. Структура представляет собой нечто целое, качественно отличное от составляющих ее элементов»³¹. Убедительное обоснование необходимости включения понятия элемент в понятие структуры предлагает немецкий философ Х. Лайтко³². На принадлежность элементов к структуре указывает и Б. Рассел. «Выявить структуру объекта, — отмечает он, — значит упомянуть его части и способы, с помощью которых они вступают во взаимоотношения»³³. Понимание структуры как единства элементов объекта и их взаимоотношений не исключает возможности отвлеченного рассмотрения самих отношений между элементами структуры (как и между элементами системы) и, в частности, исследования их математическими методами. Рассматриваемая таким образом схема отвлеченных отношений с целью отличения ее от более конкретного понятия структуры может обозначаться термином «формальная структура»³⁴.

С определением содержания понятия структуры непосредственно соприкасается важный методологический вопрос об онтологической перспективе понятий *системы* и *структуры*, особенно в их применении к языку. Вопрос о том, существуют ли языковая система и языковая структура в действительности или это только плод мыслительной деятельности ученых, занимающихся исследованием реальных явлений языка, в различных лингвистических направлениях получает неодинаковое освещение. Так, например, американские дескриптивисты отрицают объективное существование языковой структуры как предмета исследования, понимая под структурой «всего лишь научное упорядочение» речевых актов, или же считают споры об «объективном» или «субъективном» характере языковой структуры бесполезными, ведущими «к пустой трате времени»³⁵. Аналогичные высказывания встречаются и в работах лингвистов других стран, в том числе и советских, хотя иногда это могут быть только недостаточно развернутые формулировки, не отражающие полностью авторского

³⁰ Н. Ф. О в ч и н н и к о в, указ. соч., стр. 14, 16, 40 и др.; ср.: И. С. А л е к с е е в, О связи категории структуры с категориями целого и части, «Вестник МГУ», серия VIII, 2, 1963, стр. 60.

³¹ С. Е. З а к, указ. соч., стр. 54—55.

³² H. L a i t k o, указ. соч., стр. 678—679. Ср. также: H. H ö r z, Zum Verhältnis von Struktur und Symmetrie in Physik und Philosophie, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität, Berlin. Math.-Nat. Reihe», 6, 1967, стр. 868.

³³ Б. Р а с с е л, указ. соч., стр. 284. Ср.: Г. Г. В д о в и ч е н к о, Проблема структуры в теории отражения. Автореф. докт. диссерт. Киев, 1969, стр. 6—7, хотя в этой работе такое понимание структуры проводится непоследовательно.

³⁴ Ср.: С. П е т р о в, указ. соч., стр. 87.

³⁵ См.: Э. Х э м п, Словарь американской лингвистической терминологии, М., 1964, стр. 209—210.

понимания соответствующей проблемы в целом ³⁶. Некоторые другие лингвисты, в частности, глоссематики (Л. Ельмслев, Х. Ульдалль), признавая систему (структуру) языка действительно существующей, приписывают ей чисто идеальный характер, лишаящий такое признание существование системы фактического смысла. С другой стороны, подавляющее большинство языковедов мира признает в той или иной форме объективное существование системы и структуры языка ³⁷. Коренные расхождения методологического характера в вопросе об объективном существовании языковой системы (структуры) обусловлены большой сложностью тех фактических отношений, которые имеют место между понятиями системы и структуры языка, с одной стороны, и конкретными проявлениями языка в виде речевых актов, — с другой. Трудности определения этих отношений еще более усиливаются тогда, когда под структурой языка понимается только реляционный каркас языка без соотносящихся элементов. Но и в том случае, если под структурой понимать единство отношений и соотносящихся элементов, объективный коррелят понятий системы и структуры в «чистом» виде конкретно не обнаруживается. Как отмечает Ю. С. Степанов, «структуру языка нельзя непосредственно видеть, слышать, вообще воспринимать или, например, записать на магнитофонную пленку» ³⁸. Это же касается и системы языка, понимаемой именно как объективный коррелят понятия языковой системы. С этим объективным аспектом значения термина «система языка» не следует смешивать значение «реальный объект во всей его конкретной целостности», которое нередко придается слову *система* в общезыковом употреблении ³⁹. Говоря о системе языка как некоей объективной сущности, никто не имеет в виду ни конкретных проявлений языка в виде речевых актов, ни общей совокупности всех речевых актов, осуществившихся в течение всего периода функционирования данного языка. Тем не менее нет никаких оснований считать понятия системы и структуры языка произвольными «конструкциями» сознания, лишенными какой-либо почвы в объективной языковой действительности. Такое понимание противоречило бы тому, что понятия системы и структуры языка во всей полноте их конкретного содержания служат эффективными средствами всестороннего осмысления языковой действительности и активного овладения ею. В таком случае понятия системы и структуры языка должны рассматриваться в качестве примеров подлинно научных абстракций, сущность и значение которых в познавательном процессе глубоко и всесторонне охарактеризованы классиками марксизма-ленинизма.

Рассматривая такие абстракции, как «материя» или «движение», Ф. Энгельс указывал, что абстракции — это «не более, как *сокращения*, в которых мы охватываем, сообразно их общим свойствам, множество различных чувственно воспринимаемых вещей» ⁴⁰. Наличие объективной почвы как обязательного свойства научных абстракций, представляющих собой диалектическое единство субъективного и объективного, подчерки-

³⁶ Ср.: F. M i k u š, сб. «Zeichen und System der Sprache», I, стр. 110; S. K. S a u m j a n, там же, II, стр. 192, 194; Б. А. У с п е н с к и й, указ. соч., стр. 32.

³⁷ Ср. соотношение соответствующих точек зрения на международном симпозиуме по проблеме «Знак и система языка» в Эрфурте (1959 г.). E. S e i d e l, Rapport zu den Fragen 7—9, сб. «Zeichen und System der Sprache», I, стр. 196—197.

³⁸ Ю. С. С т е п а н о в, указ. соч., стр. 5—6. Ср.: J. K o ř e n s k ý, Příspěvek problému struktury objektu a struktury popisu v lingvistickém skoumání, SaS, XXIX, 1968, 1, стр. 29.

³⁹ «Любой объект — всегда система» (Н. Ф. О в ч и н н и к о в, указ. соч., стр. 11).

⁴⁰ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., 20, стр. 550.

вает В. И. Ленин: «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» ⁴¹. В работах современных философов-марксистов дано убедительное диалектико-материалистическое истолкование понятий структуры и системы как особого вида абстракций, позволяющих отразить при помощи конечного числа элементов и свойств объективный предмет, содержащий бесконечное число признаков ⁴². При таком понимании понятие структуры (как и параллельное ему понятие системы) оказывается отражением определенного частного, но вместе с тем общезначимого момента, объективно наличествующего в отражаемом явлении и особенно существенного для познания данного явления на соответствующем этапе познавательного процесса.

Трудность осмысления онтологического статуса языковой структуры и системы проистекает из своеобразия и сложности конкретной физической природы языка как явления действительности. Конкретный живой язык принадлежит к категории таких явлений действительности, которые отличаются большой степенью пространственной и временной дискретности и структурного разнообразия своих частей (в данном случае так называемых актов речи) и существуют лишь в виде прерывистых, постоянно возобновляющихся в различных местах, бесконечно разнообразных и, чаще всего, непосредственно друг от друга не зависящих проявлений таких частей. Конкретный живой язык во всем его объеме представляет собой сложный, пространственно многоплановый процесс осуществления всех относящихся к нему актов речи в течение всего соответствующего периода времени. Для создания этого практически неограниченного количества актов речи, среди которых встречаются и совершенно тождественные, применяется в различных комбинациях ограниченное количество элементов языка и способов их использования. Именно эти элементы и способы, по своим признакам и функциям в строе речевых актов распределяющиеся по различным классам, и образуют структуру (систему) языка. Поскольку в отдельных речевых актах каждый раз используется лишь незначительная часть элементов языковой структуры (системы), а непосредственным наблюдением может быть охвачено одновременно лишь крайне небольшое количество речевых актов, к тому же элементы языковой структуры в конкретных речевых актах группируются не по парадигматическому принципу структуры языка, а по синтагматическому принципу строения речи, структура (система) языка в самом языке непосредственному наблюдению не поддается. Однако структура и система языка, не поддающиеся непосредственному восприятию как определенные целостности при наблюдении реальных речевых актов, объективно существуют в языковой действительности, проявляясь в бесконечно повторяющихся компонентах языка и в относительно устойчивых закономерностях взаимодействия их формальных и семантических свойств при образовании речевых актов. Принадлежащая к системно-структурному плану группировка элементов языка на различных его уровнях непосредственно обнаруживается при рассмотрении конкретных речевых актов в сходстве их формальных признаков и способов функционирования в рамках более сложных речевых конструкций. Характеризующие языковую систему и структуру отношения между различными элементами языка непосредственно проявляются в различных и сходствах их конкретных формальных и функциональных признаков, наблюдаемых в рамках речевых конструкций. Объективно существующие

⁴¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 29, стр. 190.

⁴² Н. Ф. Овчинников, указ. соч., стр. 1—13; Н. Лайтко, указ. соч., стр. 681—682.

структура и система языка обнаруживаются, таким образом, в бесконечном повторении их различных сторон и элементов, выступающих каждый раз в других конкретных проявлениях.

Поскольку понятие структуры, как и понятие системы, является выражением объективного предмета или явления, охватывающим конечное число признаков, между тем как объективный предмет содержит неисчерпаемое число признаков, возможно, в принципе, создание бесконечного количества понятий структуры и системы, соотносительных с одним и тем же объектом. Между этими понятиями могут иметь место и самые незначительные отличия, и глубокие расхождения, обусловленные отношением к совершенно различным аспектам действительного объекта. На каждом этапе развития науки, в частности, на данном этапе развития языкознания, создается крайне ограниченное количество таких понятий (моделей и т. п.), соответствующее непосредственным задачам и возможностям исследования. Между тем, действительно существующий в виде речевых актов язык фактически содержит в себе бесконечное количество объективных коррелятов тех понятий о структуре и системе, которые могут быть созданы в бесконечном процессе познания языка. Поэтому действительный язык представляет собой практически неисчерпаемую для познания всеохватывающую систему и всеохватывающую структуру, бесконечно более богатую, чем любое, какое бы то ни было сложное, отвлеченное понятие системы или структуры языка. Именно в таком неисчерпаемом богатстве признаков системы или структуры содержится тот объективно существующий аспект речевой деятельности, который со времени опубликования «Курса» Ф. де Соссюра принято называть языком и противопоставлять речи⁴³. Таким образом, система и структура языка представляют собой внутренне, органически присущее языку свойство, обусловленное его сложным составом и сложными функциональными задачами. Система и структура языка могут быть охарактеризованы как общий закон внутренней организации и функционирования языка⁴⁴. Однако ни структура, ни система не могут рассматриваться в качестве некоего первичного начала, подчиняющего себе конкретные проявления языка в виде речевых актов. Они возникают в самом языке в процессе его становления и усложняются по мере увеличения его состава и усовершенствования его функций. Наличие в языке сложной многоярусной структуры (природа языка как сложной многоярусной системы), состоящей чаще всего из фонетического, морфологического, лексического и синтаксического уровней, представляет собой результат длительного накопления в течение многих тысячелетий знаковых звуковых единиц, необходимых для обозначения различных явлений действительности, а затем и отвлеченных понятий, сопровождаемого постоянным стихийным стремлением говорящих, с одной стороны, к четкому звуковому различению каждого отдельного знака и недопущению звукового смешения различных знаков, а с другой стороны — к наибольшему упрощению конструкций высказываний путем сведения их к немногим общим формальным схемам, максимально облегчающим процесс речевого общения. Как и сам язык, его система и структура в конечном счете являются продуктом и выражением речевой деятельности общества, стихийно,

⁴³ Более общим и более конкретным понятием языка, после введения соссюрианского противопоставления языка, речи и недостаточно определенного понятия речевой деятельности (langage), отошедшим в языкознании на задний план, является понятие языка как совокупности всех речевых актов за определенный период времени вместе со всеми их системными (структурными) характеристиками.

⁴⁴ О возможности истолкования философской категории структуры как закона см.: Н. Л а и т к о, указ. соч., стр. 690—692; ср. также: I. Н r u š o v s k ý, *Dialektika štruktúrácie a zákonitosti dejín filozofie*, «Filosofický časopis», Praha, 1969, 1, стр. 7.

а в последнее время все более планомерно создающего и употребляющего язык как средство обмена информацией и общественного накопления этой информации.

Представление языка в виде структуры (системы) или множества различных структур, охватывающих взаимозависимые элементы соответствующих уровней, способствует планомерному научному проникновению в сущность языка и его внутреннюю природу, раскрытию все новых причинных зависимостей между его компонентами, построению логически стройных лингвистических теорий, позволяющих воспринять в легко обозримой форме тот или иной аспект языка во всей его сложности как некую целостность. Одно из наиболее важных преимуществ системно-структурного подхода к языку заключается в том, что возможность произвольного отбора структурных признаков языка в определенном аспекте для построения задаваемой абстрактной структуры позволяет создать такие абстрактные структуры языка, которые в той или иной степени поддаются обработке средствами современной математики и математической логики. Это, с одной стороны, ведет к повышению строгости методики языкознания и доказательности выводов, относящихся к данному аспекту структуры языка, с другой, — обеспечивает возможность применения вычислительной техники к исследованию языка и механической обработки языковых данных в прикладных целях.

Однако марксистское понимание языка как системы вовсе не означает, будто можно свести все изучение языка к построению абстрактных представлений его структуры. Возможность отражения в любом абстрактном представлении структуры языка, каким бы сложным оно ни было, лишь ограниченного числа действительных структурных признаков объективно существующего языка приводит к тому, что бесконечное большинство действительных свойств языка, в том числе и крайне важных для общего понимания его природы и сущности, в абстрактной структуре языка не отражается и в построенной на ее основе лингвистической теории не учитывается. Общее научное представление о природе и сущности языка, основанное на данных конкретного (не строго структурного) исследования по своему содержанию в настоящее время несравненно богаче не только любого абстрактного представления о структуре языка, построенного по современной строго структурной методике, но и всех созданных до сих пор таких структурных представлений вместе взятых. Неисчерпаемость действительных признаков языка означает, что и в будущем, при любом прогрессе в развитии структурных методов и возрастании их эффективности никогда не удастся построить такую абстрактную математически стройную структуру языка, которая бы полностью отразила все его объективные свойства. Поэтому дальнейшее применение и совершенствование различных приемов конкретного (не строго структурного) исследования наряду с расширением и углублением методики структурного анализа станет, по-видимому, одной из объективных закономерностей развития науки вообще и языкознания в частности.
